

А. Степанов

Число и культура

Рациональное бессознательное
в языке, литературе,
науке, современной политике,
философии, истории

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2004

Степанов А. И.

Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 832 с.

ISBN 5-94457-181-0

Если Вы произнесли, скажем, фразу «Я проснулся утром», то автоматически вложили в нее несколько строгих логико-числовых структур, основания которых были до сих пор неизвестны. Использовано местоимение первого лица, а Вы знаете, почему таких лиц три, а не иное количество? Глагол «проснулся» — в прошедшем времени, но отчего и времен три (прошлое, настоящее, будущее)? Употреблено окончание мужского рода, по какой причине грамматических родов также три? Кроме того, Вы сказали «утром», тем самым обратившись к системе времен суток. Каковы резоны того, что их четыре (утро, день, вечер, ночь)? Всякий раз в речи присутствуют некие внутренние обязательные числа, обойтись без которых едва ли удастся.

Это относится не только к языку, но и к науке, художественной литературе, философии, истории, огромное множество примеров — в политической жизни, особенно современной. Здесь Вы найдете ответы, почему в разных ситуациях выступают одни логические числа, а не другие. Исследованные закономерности не зависят от времени, отчего их можно использовать и для прогнозов, в частности политических, ибо истины типа $2 \times 2 = 4$ справедливы всегда. Короче, данная книга о том рациональном, что рассеяно буквально повсюду, но в чем обычно мы не отдаем себе отчета.

ББК 81.2Р

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-181-0

9 785944 571816 >

© А. И. Степанов, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Вместо Предисловия, или Новое бессознательное	9
Глава 1. Число и культура, или Симплексы в языке, науке, литературе, политике, философии	45
1.1. Введение	46
1.2. Теоретическая модель	68
1.3. Тройственные структуры	75
<i>(лица местоимений; род: мужской – женский – средний; прошлое – настоящее – будущее; трехчастное членение времени у Конфуция, зороастрийцев; система грамматических времен в немецком языке; степени сравнения прилагательных и наречий: положительная – сравнительная – превосходная; артикли: определенный – неопределенный – значимое отсутствие; два главных и второстепенные члены предложения; небо – земля – преисподняя (рай – земля – ад); тело – душа – дух; геосфера – биосфера – ноосфера; разум – чувство – воля; три уровня «Я» у К. Ясперса; больше – меньше – равно; числа рациональные – алгебраические иррациональные – трансцендентные; действительные числа – комплексные – кватернионы; классы современного общества: богатый – средний – бедный; дворянство – духовенство – третье сословие абсолютистской Франции; идеальное устройство в «Государстве» Платона: правители (философы) – стражи – ремесленники; сословное деление в царской России; три вида государственной службы: военная – статская – придворная; три ветви государственной власти: законодательная – исполнительная – судебная; институт трипартизма: бизнес – профсоюзы – правительство; суд: обвинение (прокурор) – защита (адвокат) – судья (с заседателями или присяжными); образы правления: автократия – олигархия – демократия; типы законной власти по М. Веберу; стан-</i>	

дартная классификация политических течений: либерализм – консерватизм – радикализм (варианты: либерализм – консерватизм – марксизм, либерализм – марксизм – национализм); правые – левые – центр; Запад – Восток – «третий мир»; идеологема «третьего пути»; миро-системный анализ: ядро – полупериферия – периферия; русская идеологема XIX в.: православие – самодержавие – народность; государственная идеология Таиланда и кхмерского Сангнума: нация – религия – монархия; А. Фергюссон: эпохи дикости – варварства – цивилизации; К. Ю. Томсен: каменный – бронзовый – железный века; палеолит – мезолит – неолит; Древность – Средневековье – Новое время; «Москва – Третий Рим»; «Третий рейх»; «Третье Откровение»; классическая система литературных родов: лирика – эпос – драма; трагедия – комедия – драма; литературный процесс: автор – читатель – критик; ингредиенты эстетического объекта по М. М. Бахтину: автор – герой – слушатель; треугольник Фреге: действительный предмет – имя – смысл (денотат – знак – десигнат); Ф. де Соссюр: *langage – langue – parole* (нем.: *Rede – Sprache – das Sprechen* или *Sprache – Sprachtum – Sprechart*); психическая структура личности по З. Фрейдю: подсознание – сознание – сверх-Я; вера – надежда – любовь; сферы морального закона у Фомы Аквинского: закон естественный – позитивный – божественный; Агриппа фон Неттесхайм, миры, окружающие человека: естественное царство стихий – небесный мир звездного свода – интеллигибельный мир; тройки Я. Бёме; истина – добро – красота; высшие познавательные способности по Канту: рассудок – разум – способность суждения; наука – искусство – философия; Гегель: всеобщее – особенное – единичное, бытие – ничто – становление, качество – количество – мера, сущность – явление – действительность, право – мораль – нравственность, семья – гражданское общество – государство, тезис – антитезис – синтезис; стили жизни по С. Кьеркегору: эстетический – этический – религиозный; три основные парадигмы философии Нового времени у А. Н. Уйтхеда: идеализм – материализм – дуализм; большие человеческие расы: белая – желтая – черная (европеоидная – монголоидная – негроидная); этническое ядро американской нации: англичане – ирландцы – немцы; основные группы европейских народов: романская – германская – славянская; наиболее крупные мировые религии: христианство – ислам – буддизм; главные монотеистические религии: христианство – ислам – иудаизм; три ведущие ветви христианства: католичество – православие – протестантизм; ключевые религиозно-философские компоненты культуры традиционного Китая: конфуцианство – даосизм – буддизм; тройки героев народных сказок; пифагорейская классификация живых разумных существ: бог – человек – существо, подобное Пифагору; Паскаль: «Бог Авраама, Исаака, Иакова, а не бог философов»; римское право: *tres faciunt collegium* (трое составляют коллегium);

	<i>число три у протоиранцев, китайцев, первобытных народов; структура моногамной семьи: муж – жена – дети; трехмерное физическое пространство; резюме)</i>	
1.4.	Кватерниорные структуры	156
1.4.1.	Предварительный список примеров <i>(четырёхмерное релятивистское физическое пространство; агрегатные состояния вещества: твердое тело – жидкость – газ – плазма; фундаментальные физические взаимодействия: сильное – электромагнитное – слабое – гравитационное; золотой век – серебряный – бронзовый – железный; первоэлементы натурфилософии: земля – вода – воздух – огонь; четыре канонические Евангелия; четверки у А. Шопенгауэра, А. Бергсона; четырёхмерное время у М. Хайдеггера; Древность – Средневековье – Новое время – Новейшее; общественно-экономические формации в марксизме: рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм; четвертый тип политических течений: большевики; «Три мушкетера» А. Дюма: Атос – Портос – Арамис – д'Артаньян; «Братья Карамазовы» Достоевского: три законных сына и один незаконный; «Золотой теленок» Ильфа и Петрова: Козлевич – Балаганов – Паниковский – Бендер; годовой цикл: весна – лето – осень – зима; страны света: восток – юг – запад – север; суточный цикл: утро – день – вечер – ночь; деление суток в немецком языке; четвертый литературный род; кватернионы К. Юнга; рай – чистилище – ад – земля; учение о Софии в русской религиозной философии; тетрады маскульта; «Трое в лодке, не считая собаки» Дж. К. Джерома; Beatles; симплексы)</i>	156
1.4.2.	Политические тетрады	212
1.4.2♥.	СССР и СНГ	225
1.4.2♥♥.	Территориально-политическая структура новейшей Европы	272
1.4.3.	Другие разновидности тетрад	331
1.5.	Системы с иной логической структурой	345
1.6.	Итоги первой главы	423
Глава 2.	Революции, «революции», общество. (Логические циклы новейшей политической истории)	443
Глава 3.	Золотое сечение и другие пропорции в политике	543
3.1.	Теоретическая модель. Послевоенное мировое сообщество: США и СССР	545
3.2.	Российская Федерация в СССР. Англия в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Чехия в Чехословакии	563

3.3. Краткая историческая справка	576
3.4. Биполярные партийные системы	588
3.5. Особые случаи биполярных систем: партийная система послевоенной Италии, процент участвующих в голосовании	598
3.6. Кватерниорные партийно-политические системы	611
3.7. Президентские и губернаторские выборы, иные сопутствующие отношения	636
3.8. Национальные большинство и меньшинство, национальные автономии и т. д.	668
3.9. Несколько чуть более сложных случаев. Варианты кватерниорных систем	686
3.10. Выборы в Государственную Думу России 19 декабря 1999 г. Замечания о Европе.	710
3.11. Подводим итоги	746
Приложения	755
П.1. Вывод и решение уравнения из первой главы	756
П.1.1. Несколько иной вывод основного уравнения из первой главы	756
П.1.2. Как мы узнаём об общих решениях основного уравнения из первой главы?	759
П.2. Альтернативные и дополнительные установки при исследовании холистических систем в культуре	
П.2.1. Системы со значимым порядком расположения элементов. Золотое сечение: западная и восточная парадигмы	761
П.2.2. Системы, в которых роль отношений играет порядок следования элементов: унитарность и бинарность	786
П.3. Германия в послеялтинскую эпоху и ныне	793
Литература	800
Резюме	823
Abstract	827

Вместо Предисловия, или Новое бессознательное

Способность забывать, по заверениям врачей и психологов, — счастливая наша способность. Особый случай — почти специальное, намеренное забывание, когда из здоровой памяти и дневного сознания вытесняется и сам акт забвения. Блокировка. По словам поэта: «Я забыл, что я забыл. Я забыл, ЧТО я забыл»¹. Психологи в терапевтических целях помогают пациенту обнаружить скрытое в глубокой и темной пещере, вынести его на свет, по сю сторону порога сознания. Аналитическая психология, что важнее для нас, терапией не ограничивается. С первых стадий своего развития она не только выдвинула гипотезы о строении и механизмах психики, но и применила их к исследованию культуры, социума. Индивидуальное подсознание влияет на сознание человека, его мышление, язык, поведение, с его решающим участием протекают процессы творчества, интуиции, воображения, рождаются религиозные, художественные и даже научные образы. Бессознательное обладает как индивидуальной, так и коллективной природой (версия К. Юнга) и по-прежнему управляет культурой, оно ответственно за исторические феномены, регулирует здоровые и болезненные состояния, будучи своего рода прочной и питательной почвой, в которой прячутся корни как личной, так и общественной жизни. Таким образом, за генезис и формообразующую, креативную силу человеческой деятельности в значительной мере отвечают, согласно фрейдистской и юнгианской теориям, факторы под- и бессознательного.

¹ Л. Аронзон, стихотворение «Запись бесед» [28, с. 71].

С другой стороны, современное общество и культура идентифицируют себя в качестве рациональных («слишком рациональных», по мнению многих). Применительно к науке и технике данное утверждение — общее место. Но оно справедливо и в отношении к экономическому, а также политическому устройству: мы гордимся его целесообразной разумностью (а не, скажем, традиционностью, священностью) или сетуем на дефицит таковой. Даже нынешнее искусство понимается и санкционируется с помощью декларативных манифестов, интеллектуальной критики, искусствоведения; концептуальные схемы непосредственно вторгаются в самую плоть художественных произведений. Если и возникает намерение оградить какую-то область от экспансии чрезмерно рациональных методов, мы считаем долгом это систематически обосновать, построить теорию, вступив на ристалище, где судят в основном по рациональным же правилам. Так произошло, в частности, с порывами Шопенгауэра, Ницше, Риккерта отстаивать свободу «иррациональной» и/или неповторимой человеческой воли в истории и науке о ней.

Рассудочная активность продолжается как минимум десятки тысяч лет. Она не только обладает долгой историей, но и прошла через множество ключевых этапов, образовала целый ряд относительно обособленных друг от друга, послонных «отложений», своего рода «археологических», «геологических» пластов — разных типов рациональности. Правдоподобно, что рациональность последних веков, т. е. Нового и Новейшего времени, оказалась беспрецедентно тотальной, превзойдя предшествующие периоды по многим параметрам: как интенсивным (накал), так и экстенсивным (широта охвата). Она, эта новая рациональность, качественно отличается от предыдущих и своим историзмом, и позитивным (позитивистским) уклоном. Что стало при этом со старым рациональным? Все ли сохранилось в нашей ясной и твердой памяти, в нашем сознательном оперативно-логическом, мыслительном инструментарии?

Это в традициях нынешнего рационального, тронутого одновременно скептицизмом и прожектерством, по-шпенглеровски «фаустовского» человека — не только искать причины, надежные основы всего, но и не удовлетворяться ни одним из конечных найденных объяснений. Каждое из них всякий раз вновь подвергается критическому «кантовскому» анализу, рефлексии и ревизии; и мы спускаемся по лестнице дурной бесконечности от первичных

наблюдаемых фактов к их основам, основам основ и т. д. Здесь не могли остаться не поставленными и вопросы о фундаменте и корнях самого рационального мышления, современного рационально организованного социума. Один из кажущихся естественными ответов XX в.: истоки рациональности следует искать в до- и вне-рациональном, эволюционные первопредпосылки институтов модернистского общества — в организации и верованиях первобытных родов и племен. Так сказать, причина бытия рациональности — в его не- или добытии. Помимо Фрейда и Юнга, лепта в такой подход внесена классиками культурологии, антропологии: Морганом, Тайлором, Леви-Брюлем, Леви-Стросом, Фрезером, Голосовкером и рядом других².

Подобный ответ обладает одним неподдельным достоинством: он позволяет — хотя бы пока — оборвать лестницу названной дурной бесконечности, предоставляет право претендовать на специфическую окончательность объяснений. Действительно, наука современного типа не только считает себя продуктом исторического развития, она включает время, развитие (прогресс или, реже, регресс) в свой собственный метод, состав; она сама продуцирует изменчивость, не будучи в состоянии надолго остановиться, как сказано, и в переходах от следствий к причинам, причинам причин... Древняя статика после Галилея, Декарта, Ньютона превращается в частный — и «бедный» — случай динамики. История становится эмпирической, позитивной наукой, последовательно изживая из собственного трактующего инструментария следы всяческого ахронизма в форме мифов, Священной

² И здесь, и впоследствии аналитическая психология и антропология рассматриваются не столько в качестве специальных, самостоятельных наук (которым действительно удалось получить ценные результаты), сколько в их эпистемологической функции, или проекции: когда центральные положения и методы этих дисциплин используются для исследования феноменов современной культуры и социума. Так, Бертольд Шварк пишет о Леви-Стросе: он «вынес убеждение, что за общественными отношениями, в том виде, в каком они нам являются, стоят неосознанные связи, структуры. Это бессознательное находит отражение в стремлении народов запечатлеть социальную действительность в символах» [444, S. 642], — и далее: «Леви-Строс не ограничивает исследование формальных структур исключительно рамками этнологии. Он видит в этнологии удачный теоретический подход, в том числе и ключ к социальным отношениям вообще» [ibidem].

истории, преданий или телеологии, извечных законов. «Начало» истории либо не существует, либо недостижимо, ее нижний предел последовательно отодвигается во все более далекое прошлое. Из философии и наук выброшена дискредитированная «вечная» метафизика (Кант, неокантианцы и, скажем, Карл Поппер). Эволюционный и даже прогрессистский подходы завоевали биологию, науки о культуре и обществе. Если отвлечься от идеологической заинтересованности и инвективной заостренности Рене Генона (что сам он, правда, вряд ли бы одобрил), то в его работах довольно точно схвачены характеристические черты современного образа мысли (см., например, [97]).

В отличие от позитивных наук, психоанализ и этнология³ обращаются к ахроническим субстанциям: к мифу (сначала древнегреческому), как Зигмунд Фрейд, к герметическому или религиозно-философскому знанию (алхимии, йоге, тибетским доктринам), подобно Карлу Юнгу, или к принципиально непрогрессивной, зыбущейся на всегда древних верованиях и представлениях первобытной общине, как, скажем, у Леви-Строса. Апелляция к сущностно вневременным, вернее к идентифицирующим себя в качестве таковых, стихиям для обоснования современного динамичного, пребывающего в постоянном становлении и обновлении сознания, нынешнего исторического, прогрессистского социума приносит определенное удовлетворение модернистскому человеку, как бы останавливает и успокаивает беспрестанный бег его мыслей и чувств. Названные концепции разжигают наше воображение, несомненно впечатляют, но вот убеждают ли?

Что здесьстораживает? Во-первых, тот же Фрейд оперирует не столько самим греческим мифом, сколько его современной, адаптированной интерпретацией, преломленной сквозь современный же рассудок (А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» по аналогичному поводу отмечал: греческая мифология, пантеон выдуманы последующими исследователями — см. [192])⁴. Не только аналитики, но и массы обычных людей, входя в жизнь, воспитывая

³ В англосаксонских странах этнологию принято называть антропологией.

⁴ Тот, кто пытался читать аутентичные, «непричесанные» народные сказки, например из сборника Афанасьева, поймет, о чем идет речь: не обладая терпением и квалификацией специалиста, осилить их стоит великих трудов.

свой ум, память, воображение, знакомятся с мифами, сказками или былинами во вполне осовремененной версии, а нынешние дети и вовсе смотрят рекламные ролики, черепашек-ниндзя, Вольтронов, трансформеров или гоняют Змея Горыныча по дисплею компьютера. Аналогично, Юнг, конечно, не из цеха алхимиков и использует не столько их собственные, аутентично-невнятные категории, сколько транскрибированные современным же пониманием. Не иначе обстоит дело и с культур-антропологами, в связи с чем можно напомнить замечание Теодора Адорно в работе «К логике социальных наук» о роковой опасности для социологии: впасть в несоответствие методов и предмета исследования (в картине как примитивных общин, с одной стороны, так и индустриального общества, с другой), вызвать противоречие между структурой и объектом социологии [420, S. 598]. Таким образом, не просто избавиться от впечатления, что в имплицитных указанным концепциям объяснениях генезиса и природы современной рациональности (в культуре ли, в социуме) мы встречаемся с незаметно или искусно вмонтированной тавтологией, *idem per idem*, когда в процессе доказательства используется то, что еще предстоит доказать, и модернистская рациональность объясняется в конечном счете через нее саму. Вопрос о первичности яйца или курицы оставлен неразрешенным. Ситуация напоминает ту, которую в начале века Эдмунд Гуссерль [118] подверг нелицеприятной критике (напомним, в ответ на тогдашние претензии психологии занять место некоей сверхнауки, матери всех наук, не исключая и логику, Гуссерль остроумно заметил: а не использует ли заведомо психология, как наука, ту самую логику, происхождение и природу которой она силится объяснить?).

Во-вторых, истолкование рационального (эмпирического, теоретического) с привлечением вне- и иррациональных феноменов не вполне безобидно. Внесение в аппарат рациональной науки мифологических, религиозных, герметических образов и категорий, глубоко инородных ей, нарушает ее чистоту, размывает конститутивную критериальную строгость. С одной стороны, психоанализ, структурная антропология действительно привлекают своей «объемностью», «полнотой», т. е. смешанным статусом — на стыке науки, искусства, религии, — будоража воображение и по своему убеждая. Но такое убеждение в конечном счете оказывается скорее софистическим, чем настоящей доказательной строго-

стью наук рациональных. Поэтому, с другой стороны, здесь должны быть отмечены и явственные черты, роднящие их с паранауками (это не осуждение, лишь констатация). Кстати, сам Юнг не стеснялся открыто называть собственную аналитическую психологию то «западной йогой», то «алхимией XX века» [394, с. 20].

Каков же выход? Остаться ли вместе с позитивистскими социологией, культурологией и в конце концов отказаться от объяснений многих действительно реальных вещей? Или привлекать-таки методы упомянутых «художников от науки», разрабатывая ниву имажинации, герменевтической искусности, изошренности, но, увы, не последовательно строгого рассудка читателя? Из двух возможностей более обещающей кажется третья. Объяснения рациональных моментов в сознании, языке, социуме, в их формах и структурах возможны и без выхода за границы рационального мышления. Специфически современная рациональность может исследоваться с помощью рациональности принципиально иного, более древнего типа, — но с таким расчетом, чтобы не впасть в вышеупомянутое противоречие между предметом и методом исследования. Т. е. из всего состава старорационального должно быть отобрано и использовано только то, что не противоречит новой рациональности, что подразумевается последней, на что получены ее санкции.

В чем плюсы предлагаемого подхода? Во-первых, старорациональное не менее «статично», сущностно ахронично, чем перечисленные миф, герметические учения или первобытный социум. Поэтому упоминавшееся достоинство играющих с «иррациональностью» культурологии, социологии: прерывание дурной бесконечности в поисках оснований современной изменчивой, открытой рациональности, а также преодоление антиметафизического духа, соответствующей «нищеты» позитивистских наук, — в данном случае сохраняется. В математической сфере к примерам типологически древнего, «фундаменталистского» знания могут быть отнесены, скажем, счет и комбинаторика, арифметические и геометрические пропорции, теоремы пифагорейского цикла (о прямоугольном треугольнике, об иррациональности ряда радикалов, первоначально $\sqrt{2}$), свойства треугольников, многоугольников, многогранников, диофантовы уравнения и др. Во-вторых, мы не покидаем в данном случае пределов рациональности как таковой, избегаем ее эрозии под воздействием атакующей паранаучности или эмпатической художественной образности.

Да, нам по-прежнему не удастся избавиться от модернизации типологически старого знания: наше понимание Фалеса Милетского, Пифагора, Эвклида, Герона, математических построений халдейских магов, египетских и индийских жрецов, китайских даосов, разумеется, отлично от аутентичного. Однако оно обладает как минимум не меньшей, а иногда и большей точностью и обязательностью. Мы не контаминируем, не наносим ущерба ни старому знанию (неадекватной современной интерпретацией), ни рациональности новой (привнесением в нее давно или исходно чуждых ей категорий). Обе стороны: и объясняющее, и объясняемое — в данном случае синхронно упрочиваются, выигрывают, а значит, в выигрыше и их общее дело. Несмотря на модернизацию языка описания, обозначений, инструментальных методик, здесь, несомненно, сохраняется и преумножается главное: логическая чистота и критериальная строгость. Старое знание — и в историческом, и в систематическом плане — было и остается основанием рациональности современного, позитивного типа, мало того — оно сосуществует с последней по настоящий период. Если рационализованная интерпретация мифа, герметизма или первобытного социума является искажением их собственной ментальности, стержневой самоидентификации⁵, то применительно к архаической рациональности такого, к счастью, не происходит: к примеру, как и тысячелетия назад, мы загибаем пальцы при счете. Она, эта древняя рациональность, никогда, собственно, не умирала (скажем, геометрию Эвклида изучали и в Древних Греции, Риме, и в Средневековье, и ныне), традиция — не прерывалась.

Совсем иначе, понятно, обстоит дело с той же греческой мифологией. С чего бы это мне, современному русскому или китайцу, мыслить в категориях Эдипа, Электры или Одиссея и полагать, будто Эдип — это я в отношениях с собственным отцом или «отцом народов» Сталиным, Мао Цзэдуном? Почему мне непре-

⁵ Греческий миф адаптируют и корректируют те, кто сам не верит ни в Зевса, ни в Сфинкса, не совершил ни одной гекатомбы; Карл Юнг не посвящал годы переливанию ртути из алхимической колбы в пробирку и не жаждал одарить человечество философским камнем, избавить металлы от порчи; этнограф же, проводящий полевые исследования среди дикарей, периодически связывается с руководством по спутниковому телефону и помнит, что улетит домой на вертолете.

менно считать, что некое нигредо средневековых алхимиков отражает момент трансформации моей личной или социально-политической жизни? Если так полагал кажущийся мне полоумным алхимик, это его личное дело; разве это основание, чтобы я отождествлял себя с этим прячущимся за толстыми стенами мрачного замка затворником? В отличие от древнего рационального, в частности математического, знания, в таких процедурах присутствует очевидная произвольность, факультативность, апелляция к ярким, но внутренне необязательным примерам и феноменам. Метафора становится едва ли не главным инструментом познания. Санкции со стороны современного разума на подобную процедуру могут быть получены, но в них может быть и отказано — в зависимости от субъективных вкусов и предпочтений. Да и не требуется ли для того, чтобы всерьез сравнить себя с чуждой личностью, предварительно стать шизофреником: чем в принципе отличается мнение о себе как об Эдипе от убеждения, что я — Наполеон или Навуходоносор?

Повторим, толкование новорационального (культуры и социума) через типологически старое, но по-прежнему рациональное, конечно, не может претендовать на объяснение рационального вообще, рациональности как таковой — иначе мы вновь попадем в капкан тавтологии, скрытых подтасовок и неизбежных противоречий. Поэтому целесообразно сузить поставленную задачу и исследовать природу и формы главным образом модернистской рациональности — на фоне и методами рациональности принципиально иной («древней», «архаической»). В конечном счете наш основной интерес — мы сами, наши культура и общество.

Разумеется, следует обстоятельнее пояснить, каковы права на отделение статической старой рациональности от специфически современной — позитивистской, лабильной. Этой цели, на наш взгляд, в состоянии послужить следующие соображения.

Прежде всего, возвратимся к поставленному выше вопросу: все ли из старорационального сохраняется в твердой и ясной памяти современного человека, в его активном оперативно-логическом арсенале? В средней школе мы изучаем множество математических приемов и теорем. Что происходит с ними затем в нашем сознании? Кое-что из них, безусловно, сохраняется и проносится через всю сознательную жизнь (так, большинству из нас удастся правильно сосчитать собственную зарплату или причитающиеся про-

центы по банковским вкладам). В отношении же к другим секторам наблюдаются интересные странности.

Люди гуманитарного склада стремятся как можно скорее забыть кошмар школьных уроков арифметики, алгебры, геометрии, стереть из памяти малейшие следы детских мучений и неудач. Даже косвенный намек на некие формулы, выкладки воспринимается ими как дерзкое покушение на их честь и достоинство, как угроза их сегодняшней самоидентификации, самоуважению. Что с того, что тому же юристу, филологу приходится так или иначе использовать в своей профессиональной деятельности элементы, скажем, сложно-комбинаторного мышления? — То же самое в более строгой и компактной форме, т. е. в виде формулы, вызывает протест: «Это не имеет ко мне, к моему предмету ни малейшего отношения!»⁶.

Не менее любопытная ситуация и с представителями точных, технических отраслей. Тот же инженер, изучив в вузе несколько разделов относительно современной, так называемой высшей, математики и, возможно, используя кое-что из них в своей повседневной работе, давно забыл, например, что точка пересечения медиан треугольника отсекает одну треть их длины. «С какой стати я должен помнить об этом? Какое отношение это имеет ко мне? Да, факты подобного простейшего рода в конечном счете лежат в основаниях моей собственной профессии, но на практике мне это совершенно не нужно!» — Случайная встреча с подобными элементарными истинами воспринимается в лучшем случае как некий фокус, занимательный казус или вызывает снисходительную улыбку как ностальгическое воспоминание о давно забытых милых детских забавах.

По-своему занятен и психологический комплекс тех, кто вынужден помогать своим детям в учебе. «Папа, у меня задачка не выходит!» — Папа отрывается от футбольного матча по телевидению.

⁶ Так было не всегда. Во II в. до н. э. индийский поэт Пинтала пользовался так называемым «треугольником Паскаля» (чья природа комбинаторна) для решения вопросов поэзии [202, с. 298]. У Омара Хайяма также встречается этот треугольник. По некоторым свидетельствам, и в византийскую филологию включались математические, в том числе комбинаторные методы. Не подобная ли критериальная и аналитическая строгость способствовала успеху Кирилла и Мефодия при создании славянского алфавита?

ру, приосанивается и надевает очки: «Та-а-ак, посмотрим» (оставим в стороне ответ «Спроси у мамы», рассмотрим случай «хорошего» папы). Папа, конечно, основательно подзабыл правила обращения с цепными дробями. Если он не справится с задачей для третьего класса, на его голову в глазах сына падет черный позор, авторитет будет подорван. Если пример все же удастся осилить, то это будто бы само собой разумеется: «Папа заканчивал институт, он владеет даже высшею математикой». Подобная семейная игра — с заведомо не нулевой суммой; в такой игре можно многое проиграть, но, увы, мало что выиграть. На приглашение к играм подобного рода в другой ситуации мы наверняка бы ответили: «Это нахальное шулерство!» Но кто по-настоящему знает и помнит рассматриваемое старорациональное (за исключением горстки узких специалистов)? — Наверное, школьные преподаватели. Однако мы относимся к ним едва ли не со снисхождением, а в ультрасовременной Америке предпочитают не жениться на учительницах.

Таким образом, можно констатировать вытеснение старорационального из области «нормального» взрослого мира, с поля актуальной культуры, общественной жизни. Проиллюстрированное на уровне персональных реакций — так сказать, в аспекте онтогенеза — воспроизводится и в коллективно-историческом, филогенетическом плане: стремительно изменяющиеся, уходящие вперед наука, культура, социум тщательно забывают, а то и рубят собственные «хвосты». В связи с чем, вероятно, допустима следующая гипотеза: наряду с тем бессознательным, которое изучают психоаналитики, культур-антропологи (и которое мы рассматривать отказались), существует и так называемое *новое бессознательное*, слагающееся из задвинутого в темный чулан или «отработанного» рационального. Подобно богатой соками почве, оно питает ныне живущие культурные и социальные организмы и при этом является продуктом тысячелетий социокультурного мира предшествующих поколений. Она, эта почва, заодно служит и основанием современных цветущих форм деятельности, сознания, социальной организации. Наша способность забывать и даже намеренно изгонять из памяти, психически блокировать все «ненужное» и/или неприятное ответственна за упомянутую изоляцию, формирование нового бессознательного. Чему способствует и всеобщее устойчивое мнение: «Школьное знание, школа — это одно, а взрос-